

ГОТОВЯТ ЛИ В РОССИИ ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ?

После публикации в газете "Завтра" откровенного интервью полковника Владимира Квачкова (мы перепечатали это интервью в №42) ряд публицистов начали активно обсуждать тему: "Не стоит ли за В.Квачковым новая военная оппозиция, способная к решительным действиям?" Журнал "Итоги" от 7 ноября с.г. опубликовал даже целую статью "Запасный полк", посвященную этой теме. Предлагаем читателям два аналитических материала, которые с разных позиций раскрывают данный вопрос.

Р. Вахитов

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В РОССИИ?

1. Разговоры о военном перевороте, который либо восстановит институты социализма, либо, как минимум, сделает политику России более патриотичной, ведутся уже давно. Казалось бы, для власть предержащих в современной России угроза такого переворота вполне реальна.

Во-первых, причин для недовольства армии собственным правительством более чем достаточно. Усилиями наших "демократов" страна пребывает в нищете и постепенно переходит в разряд стран третьего мира, а армия некогда второй по значению сверхдержавы влечит жалкое существование. Офицеры стреляются, потому что не могут обеспечить семью, грозные ракеты и подлодки – опора нашей безопасности и мощи – распиливаются под присмотром американских комиссий, летчики боевых самолетов лишены даже бензина для учебных вылетов, кучка горских террористов до сих пор гоняет в горах остатки имперской армады, которая в былые времена не то что от этих террористов – от этих гор мокрого места бы не оставила, а штатский министр обороны с улыбкой заявляет, что у него негативно-спокойное отношение к приближению войск НАТО к нашим границам. Такого унижения и бедственного положения офицерского состава армия России не знала никогда за свою историю, так же как никогда Россия не знала и такого предательства со стороны своего руководства. Однако автор этих строк убежден, что никакого военного переворота в России все же не будет. Если уж он не произошел в 90-х, когда армию не просто смешивали с грязью в СМИ и душили недофинансированием и кадровым хаосом, но и прямо предавали во время 1-й и 2-й чеченских кампаний, то вряд ли он произойдет сейчас... Но если бы он и случился, то закончился бы полным поражением, и об этом говорит вся предшествующая история России.

2. Дело в том, что в отечественной истории таковых примеров практически не имеется. Попытки военных переворотов у нас вообще были редки, и все они носили какой-то ущербный характер и кончались совершенно позорным образом.

Мы не будем уходить в историю слишком далеко – скажем, в эпоху стрелецкого бунта. Начнем с 1825 года, знаменитого восстания декабристов на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. Офицеры, участвовавшие в заговоре, воспользовавшись ситуацией временного безвластия (часть подданных после смерти Александра Первого присягала его брату Константину, а часть – Николаю), убедили своих солдат присягать Константину (который на деле уже отказался от трона в пользу Николая) и вывели их на Сенатскую площадь. Заговорщики вели себя так нелепо, что только диву можно даваться. Они так и не попытались предпринять какие-либо внятные и объяснимые действия (например, привлечь на свою сторону другие соединения, захватить Николая и попытаться диктовать свою волю, поставить под свой контроль какие-либо ключевые объекты и т.д.). Они лишь убили военного губернатора Петербурга, который пытался вести с ними переговоры. В том не было никакой надобности с точки зрения перспектив переворота и даже наоборот, это восстановило против них офицерство, так как убитый был героем войны 1812 года, популярным в войсках. И стояли со своими полками на Сенатской площади до тех пор, пока Николай не стянул туда верные ему войска и артиллерию и не расстрелял восставших пушечной картечью. Вероятно, более глупой и абсурдной попытки военного переворота с точки зрения техники такого рода акций история не знала. Историки утверждают, что, судя по всему, у восставших декабристов вообще не было никакого плана действий (Г.В. Вернадский "Русская история" М., 1997, с. 212). Непонятно, на что вообще рассчитывали декабристы (если не считать их

целью мазохистское желание "пострадать за свободу", что хоть как-то объясняет, почему они выступили без плана действий, без пушек и смиренно ждали, когда же их окружат и расстреляют).

Военный переворот Корнилова в 1917 году тоже бесславно провалился и, собственно, был с самого начала обречен на провал. Как известно, генерал Корнилов не подчинился приказу Керенского от 26 августа о смещении его с поста главнокомандующего, обратился к войскам и всем гражданам России с просьбой поддержать его в вооруженной борьбе с Временным правительством и послал на Петроград генерала Крымова с третьим кавалерийским корпусом. Но, как отмечает выдающийся русский историк Г. Вернадский, "войска последнего (Крымова – **Р.В.**) действовали неуверенно и с интересом относились к пропагандистским призывам социалистов" (Г.В. Вернадский, Указ. соч. с. 301). Итог общеизвестен: Крымов не выполнил приказ Корнилова, сдался Керенскому и на следующий день покончил с собой, после чего Корнилов и его помощники Деникин и Лукомский были арестованы по приказу Временного правительства.

В 1918 году, когда Россия фактически уже распалась на части в результате революционного хаоса, военный переворот произошел в Омской республике, которой поначалу правили руководители Уфимской директории – члены Учредительного Собрания – легитимного российского парламента, который был разогнан большевиками и скрылся в Уфу. Переворот состоял в том, что военный министр Омского правительства адмирал А.В. Колчак взял полностью власть в свои руки и объявил себя Верховным правителем (депутаты были по приказу Колчака арестованы и многие казнены, после этого, кстати, именование Колчака "демократом", чем прославились нынешние "демократы", по меньшей мере абсурдно). Однако переворот Колчака не имел общенационального значения. Верховным правителем России военный путчист Колчак так и не стал, он был побежден штатским Лениным.

В 1991 году то же, что и с Корниловым и Крымовым, произошло с Крючковым, Янаевым, Пуго и другими членами ГКЧП. Путчисты выдвинули антиперестроечные лозунги, к тому времени уже довольно популярные в народе, которого политика Горбачева и сам реформатор стали разочаровывать. Путчисты ввели в столицу войска, которых вполне хватило бы для подавления сопротивления их основных противников - столичной либеральной интеллигенции, сросшейся с перевертышами-партократами и криминальным бизнесом. Путчисты имели все возможности для того, чтобы обезглавить движение "демократов-западников". Ничего подобного путчисты делать не стали. Причина была та же самая, что и в 1917 году в случае с мятежом Корнилова – нерешительность самих заговорщиков, их неверие в собственные силы, невозможность рассчитывать даже на те войска, которые они повели за собой. Всем памятна трясущиеся руки членов ГКЧП, которые были видны на пресс-конференции ГКЧП по ТВ. Уже тогда всем – в том числе и противникам ГКЧП - стало ясно, что ничего у заговорщиков не выйдет. Их неспособность объявить Горбачева виновником кризиса (путчисты до конца настаивали на том, что Горбачев не арестован, а отсутствует по состоянию здоровья), отдать приказы об аресте Ельцина и его компании, о силовом разгоне демонстраций либералов и ликвидации нелегальных СМИ, вкуче с их глупым и абсурдным вояжем к Горбачеву, запертому в Форосе и ничего не решающему - все это предопределило их конец, равно как и конец той сверхдержавы, которую они столь нелепо и неудачно пытались защитить. Августовский путч 1991 года был настолько странным, действия его зачинщиков были настолько внутренне противоречивы и нелепы, что ряд политологов (например, С.Г. Кара-Мурза) предпо-

ложили даже, что это был не путч, а масштабный политический спектакль, устроенный Горбачевым, и призванный "подвести" массы к глубоко чуждой им идее роспуска СССР и введения в стране капитализма.

Наконец, и в Интернете, и в прессе не раз высказывалось предположение, подкрепленное серьезными аргументами, о том, что покойный генерал Л. Рохлин – лидер Движения в поддержку армии - в 1998 году готовил военный переворот с целью смещения Ельцина и его команды, и оставалось лишь отдать приказ о выступлении. По данным газеты "Комсомольская правда", Таманская и Кантемировская дивизия были готовы блокировать столицу, войска Московского военного округа поддерживали мятежного генерала, Рохлин даже вел переговоры с Куликовым – тогдашним главой МВД о том, чтобы милиция столицы не противодействовала восставшим военным ("Возможен ли в России военный переворот?" КП от 9 апреля 2003 года). Но странное убийство Рохлина (в котором обвинили его жену, хотя, как неоднократно заявлялось в прессе, в то же утро недалеко от дачи Рохлина нашли еще два трупа – видимо, ликвидированных киллеров) так деморализовало других руководителей переворота, что они не решились на выступление. Опять военному перевороту (если он действительно готовился) в России помешала извечная нерешительность заговорщиков.

Итак, даже такого краткого экскурса в историю достаточно, чтобы понять, что перед нами некая закономерность. Суть ее в том, что в России с XIX века смена власти при помощи военных переворотов не происходила фактически никогда. Несколько попыток переворотов, предпринятых военными, оказались неудачными. Причем все они отличались не только крайней непродуманностью и невнятностью, но и более того, путчисты всегда вели себя очень и очень нерешительно, будто и не рассчитывая на победу, и просто-таки позволяли противнику себя победить. Более того, эти военные перевороты не встретили поддержки даже со стороны тех слоев населения, интересы которых и пытались отстаивать военные заговорщики. Декабристы даже своим солдатам с трудом объяснили, почему они должны выступить против царевича Николая (Г.В. Вернадский пишет, что из слов декабристов многие солдаты заключили, что конституция – это имя жены "соперника" Николая – царевича Константина). Что уж говорить о широких слоях крестьян Российской Империи, которые вообще-то должны были бы истово поддерживать хотя бы один пункт из программы декабристов – отмену крепостного права. Обращение Корнилова к гражданам России осталось также не услышанным, хотя из него было ясно, что мятеж направлен вовсе не на восстановление непопулярной монархии, а на защиту идей Февральской революции, которую так горячо поддержало множество россиян, в особенности из среды буржуазии и интеллигенции.

В 1991 году ГКЧП также не сумел использовать фактор популярности провозглашенных путчистами идей, хотя большинство населения СССР в августе 1991 года желало того же самого, что декларировал ГКЧП – сохранения СССР и прекращения экономического хаоса, который породили непродуманные "демосоциалистические" реформы Горбачева (это показал, например, референдум о сохранении СССР, где народ Советского Союза, кроме прибалтийских республик и населения столиц, высказался за обновленный СССР). Тем не менее, активной поддержки путчисты так и не получили, и консервативное большинство позволило либеральному меньшинству добить СССР.

3. Если мы рассмотрим тот же промежуток истории, но не России, а Латинской Америке, то встретим совершенно иную картину. Там за последние 150 лет было совершено около 550 (!) только удавшихся военных переворотов (В. Шевелев "Диктаторы и боги" Ростов-на-Дону, 1999, с. 29), понятно, что число неудавшихся путчей было в несколько раз больше. И

путчисты Латинской Америки вели себя куда более решительнее и толковее своих российских коллег. Возьмем классический латиноамериканский военный переворот – путч генерала Аугусто Пиночета. Начнем с того, что переворот готовился заранее, в частности, оперативный план захвата столицы был разработан офицерами чилийского генштаба за 6 месяцев (!) до мятежа (В. Шевелев "Диктаторы и боги" с. 38). В час "X" события разворачивались по строгому плану.

В 8 часов 30 минут в день переворота – 11 сентября 1973 года, военная хунта обратилась по радио к чилийскому народу. Суть обращения состояла в том, что президент Альенде и его приближенные готовят в стране марксистский переворот и в этих условиях "чилийские вооруженные силы и корпус карабинеров" берут власть в свои руки, дабы "спасти Родину". Военные приказывали СМИ, прежде всего, радиостанциям и телеканалам, прекратить передачу информации, направленную против хунты, иначе их обещали "атаковать с земли и с воздуха". Рабочим Чили хунта обещала сохранить все социальные блага, которые они приобрели при социалисте Альенде. Жителям города Сантьяго рекомендовалось не выходить из дома "во избежание случайных жертв". Несмотря на обилие высокопарных словес и откровенную ложь (судя по всему, никакого переворота Альенде не готовил, да и рабочих и все низшие слои населения неоллиберал Пиночет буквально бросит потом в нищету, строго по рецептам чикагских монетаристов), причины путча были обозначены четко, враг назван, задачи сформулированы. Никаких двусмысленностей и неясностей, благодаря чему население сразу смогло определиться с отношением к хунте и решить: встать на ее сторону или нет. Слова были подкреплены делами. Уже через полтора часа после заявления по радио, в 10 часов, начался обстрел Ла Монеда, где находился президент Альенде. В 11 часов Альенде было предложено сдаться, он отказался и начался штурм. В 12 часов президентский дворец был атакован ракетами с самолетов. В 15 часов дворец был занят войсками, все его защитники – около 40 человек, включая президента Альенде, были убиты (по радио и телевидению, впрочем, на следующий день сообщили, что Альенде "покончил с собой").

Свое обещание относительно репрессий непопулярным журналистам хунта выполнила в точности и в тот же день. В радиостанции, которые осмеливались передавать последнее обращение к нации президента Альенде, либо врывались военные и расстреливали всех на месте без предупреждения (включая ни в чем не виновный техперсонал и случайных посетителей), либо их просто атаковали с воздуха, боевыми бомбами с самолетов ВВС Чили. Так радиостанция "Порталес" была разбомблена сразу после, того как она передала в эфир обращение Альенде. А радиостанция "Магальянес", сделавшая то же самое была захвачена военным патрулем и все 50 человек, которые там находились, были расстреляны на месте без суда и следствия. Жесточайшие меры дали ожидаемые плоды – уже через день все основные, влиятельные СМИ находились под контролем хунты, деморализованные и запуганные журналисты передавали в эфир хвалебную информацию о хунте. Более того, сопротивление политических противников удалось подавить тоже в считанные дни. Коммунисты были сильны среди фабричных рабочих, путчисты врывались на фабрики и просто расстреливали всех активистов. Оппозиционные политики, не успевшие бежать за границу, были арестованы, многие были расстреляны, другие "пропали без вести" (то есть были замучены насмерть военными и места их захоронений скрываются). Только за первые недели после переворота военными были убиты 20 тысяч человек – в основном журналистов, профсоюзных деятелей, активистов левых партий, но и множество просто случайных людей, есть данные, что путчисты "под горячую руку" убивали даже "правых журналистов", которые искренне были сторонниками Пиночета.

Все это совершенно ужасно и не может быть оправдано с моральной точки зрения, но одно мы можем признать точно: **перед нами настоящий военный переворот, участники которого действительно всерьез хотели взять власть, любой ценой, не страшась никаких жертв.** Причем они стремились к власти методично и планомерно в согласии с принципом идеолога реальной политики Макиавелли, который в вольной трактовке звучит так: **если начал действовать – действуй до конца, для политика лучше ошибиться или прослыть жестоким, чем проявить робость и нерешительность.**

Какой разительный контраст с теми попытками военных переворотов - худосочными и беспомощными, слишком гуманными для того, чтобы быть удачными, которые знала Россия! Представим себе, что бы было, если генерал Аугусто Пиночет 11 сентября 1973 года действовал так же, как действуют, как правило, русские и российские военные, затеявшие переворот. Никакого плана переворота не было бы и в помине. Переворот бы начался случайно, неожиданно даже для многих второстепенных его участников.

Утром Пиночет выступил бы по радио с обращением к народу. Там говорилось бы, что президент Сальвадор Альенде не может выполнять обязанности руководителя государства по состоянию здоровья и впредь до его выздоровления власть переходит к военной хунте. Дальше следовали бы обтекаемые словеса бюрократического жаргона, из которых можно было бы заключить, что, во-первых, страна находится в глубоком кризисе и в опасности даже ее обороноспособность, но без указания виновников этого кризиса, и, во-вторых, что хунта Пиночета все равно всемерно поддерживает курс, взятый правительством Альенде и направленный на развитие в Чили институтов социализма. В обращении ничего бы не говорилось ни про то, как должны действовать радиостанции и ТВ, что делать гражданскому населению, не было бы никаких обещаний народу со стороны военных. Народ бы гадал: за кого все же путчисты – за "левых" или за "правых" и что случилось с Альенде? Ни радио, ни ТВ никаких разъяснений бы не давали, по ним круглые сутки передавали бы классическую музыку, отменив все передачи. Зато активно работали бы иностранные радиолосы. Они обвиняли бы Пиночета и хунту в подрыве демократии и свободы слова, и их бы никто не глушил. В Сантьяго вошли бы танки и пехота и расположились около правительственных зданий и редакций газет. Но никакой активности войска бы не проявляли, ссылаясь на отсутствие внятных приказов, журналисты, отчаянно потрусив несколько часов, стали бы строчить статьи против Пиночета, с ухмылкой поглядывая в окно на солдат, которые демонстрировали бы зевакам пустые магазины автоматов в знак мирных намерений. Коммунисты, первоначально хотевшие было уйти в подполье или эмигрировать, призвали бы к национальной забастовке. Вокруг здания ЦК Компартии Чили шел бы нескончаемый митинг, на котором Луис Корвалан, взобравшись на танк, экипаж которого "перешел на сторону народа", заверял бы всех, что Фидель Кастро и великий Советский Союз не бросят в беде чилийский пролетариат.

Убедившись, что им ничего не будет, демонстранты заперудили бы улицы Сантьяго, а Пиночет, кусая ногти и трясущимися руками осушая стаканы с минералкой, не решился бы отдать приказ их разогнать и не придумал бы ничего лучшего, как ехать в Ла Монеда, к отключенному от всех средств связи Альенде... за советом. Тем временем реальная власть перешла бы уже к Луису Корвалану и ни Пиночет, ни Альенде ничего бы уже не решали. Через несколько дней Альенде "добровольно" подал бы в отставку, Пиночет оказался бы в тюрьме, откуда он вышел бы целым и невредимым через месяц, а президентом стал бы Корвалан, и Чили была бы провозглашена социалистической республикой. Коммунисты шутили бы между собой, что нет ничего лучше ма-

ленького путча и если бы не этот растяпа Пиночет, то до сих пор у власти был бы умеренный социалист Альенде с его половинчатой реформаторской программой...

Так бы все и было, если б Пиночет действовал, как Рылеев и Муравьев-Апостол, как Корнилов и Крымов, как Язов и Крючков...

В чем же дело? Почему в России перевороты кончаются так бесславно, а в Латинской Америке один удачный переворот следует за другим?

Думаем, все дело в отношении общества к армии, и вообще, к войне и к военным.

4. Россия возникла и существовала вплоть до XX века как цивилизация преимущественно крестьянская. Оседлые и крестьянские народы, в отличие от народов кочевых, войну воспринимают как бедствие, как нарушение нормального ритма жизни, и оправдывают войну лишь, если она направлена на самозащиту (совсем иное дело – кочевники (викинги, арабы, монголы), для них война – дело доблести и способ обогатиться, они презирают спокойную и безбедную жизнь). Об этом прямо говорят поговорки русского народа, касающиеся войны, которые в изобилии мы находим в словаре Даля. В большинстве своем они сводятся к осуждению войны, к рассмотрению ее как дела не Богоугодного: "всякая война от супостата, не от Бога", "воюют так воруют", "и ратовал, и воевал, да ничто взял", "хорошо про войну слышать, да не дай Бог ее видеть". История России, правда, изобилует войнами, но в большинстве своем – это войны, в которых русские защищались от агрессивных соседей, напавших первыми – от немцев, французов и т.д. Естественно, Россия вела и наступательные войны (в основном – на восточном направлении), но гораздо реже, гораздо более гуманными средствами, чем народы Запада (русские тут же принимали в свою семью народы вновь завоеванных инородцев, как желанных братьев и если и подвергали их тяготам, то лишь тем, что несли и сами) и, наконец, самое главное – завоевательные войны русских – скажем, кавказская война XIX века – не отразились в памяти народной как важное и славное событие, которым можно гордиться (в отличие от французов, которые гордятся кампаниями Наполеона).

Неудивительно, что при таком восприятии войны русские поговорки не слишком-то жалуют и военных, и уж во всяком случае, не видят в них "соль нации". Заглянув в словарь Даля и прочитав соответствующие статьи, мы обнаружим странную закономерность. Чем выше чин военного, тем хуже к нему отношение народа. Лучше всего народ относится к простому солдату. Он его восхваляет: "солдат и на том свете в воинстве Христовом служит", "солдат и черта замучил", "солдат Богу свеча, государю слуга", упрекает его разве что в склонности к воровству: "солдату не грех и поживиться", "солдат не украл, а просто взял", "у солдата нет карманов, а все спрячет". Но воровство солдату простительно, потому что оно вызвано нуждой: "красная нужда, солдатская служба", "солдату не украсть, негде взять" и приказами начальства, которое, конечно, ворует не от нужды, а по порочности: "кто идет? Солдат! Что несет? Кафтан! Где взял? Украл! Кто велел? Капрал!"

Хуже всего русский народ, судя по поговоркам, относится к высшим воинским чинам. Показательны поговорки про воеводу: "Наказал Бог народ – наслал воевод", "воеводою быть, без меда не жить", "дело невеликое, да воевода крут – свил мочальный кнут".

Причем даже солдат, который ценится выше всего народным сознанием, хвалится им не за доблесть, военную удачу, умение победить противника, а за жизненную смекалку, долготерпение.

Возьмем русский фольклор, и там мы увидим то же самое: в сказках постоянно встречаются жадные и глупые воеводы и генералы и симпатичные молодцы-солдаты. Един-

ственное исключение – славные богатыри из былин, но они ведь как раз герои – одиночки, не входящие в регулярное войско. К тому же главный русский богатырь – Илья Муромец – крестьянский сын, и первый его подвиг, как бы задающий тон и пафос былин – мирный, трудовой – выкорчевывание деревьев под пахотное поле.

Та же установка и у великой русской литературы: Лев Толстой изображает в "Войне и мире" военных – тунеядцами, которые наживаются на горе народном – войне (лучший военный у него Кутузов, который всегда дремлет и предоставляет событиям идти, как они идут), Салтыков-Щедрин высмеивает прожорливых неумех генералов и восхваляет могучего и умного мужика. Куприн так карикатурно изображает армию – как сборище пьяниц и неудачников, что современному немецкому генералу сказал, что если бы "Поединок" написал немецкий писатель, его бы следовало высечь, а книгу запретить, а поскольку – русский и о русской армии, книгу нужно приветствовать, тем легче будет разбить русских ...

Нужно ли говорить, что русское образованное общество уже с середины XIX века воспринимает офицеров не как лучших сынов Отечества, а как касту тупых солдафонов, а армию – как проклятых защитников ненавидимого всеми – от кадетов до большевиков – самодержавия.

Нелюбовь и недоверие крестьянства к офицерам и любовь его к солдатам понятны. Солдат – рекрут, свой человек, из крестьян, а офицер – из дворян. Мало того, что между дворянством и простонародьем всегда есть естественная напряженность, в России она еще усугублялась тем, что после модернизации Петра Великого русское дворянство, переняв привычки, одежды, кое-где даже язык европейцев, совершенно оторвалось от своего народа, воспринималось им как иностранцы в родной стране.

Такое же чувство к армии у русской интеллигенции объясняется так хорошо описанной авторами "Вех" беспочвенностью этой интеллигенции.

После Октябрьской революции ситуация изменилась, но ненадолго. Уже в послесталинские времена возрождается свойственное и для русской интеллигенции, и, увы, большей части народа отношение к генералитету и к офицерству как к трупам, солдафонам, грубиянам и тупицам. Вряд ли нужно приводить многочисленные примеры из советского фольклора, например, анекдотов, где генерал – обязательно тупой и крикливый, офицеры – воруют и подличают и только смекалистый солдатик вызывает человеческую симпатию, в строгом согласии с русским традиционным фольклором (что, конечно, не совпадало с реальным положением в советской армии, где наряду с солдафонами было немало умных, талантливых, самоотверженных офицеров). Об этом можно только сожалеть, но антиармейская пропаганда, доходившая до травли, которую развернули "демократы" в 80–90-е годы нашла в народе благодатную почву.

Итак, в силу особенностей психологии русского народа, его истории и социальных условий, в России никогда не было идеализации войны и восприятия армии, и, прежде всего офицерства, как лучших людей нации, ее элиты. Русский человек в числе тех, кем гордится нация, сперва назовет писателей и поэтов, потом – общественных деятелей и уж потом военных. Да и среди военных он упомянет тех, кто возглавляли и вели войну оборонительную – Кутузова или Жукова, например, но никак не тех, кто вел войну наступательную, направленную на расширение Империи – например, генерала Ермолова (француз же сначала бы назвал Наполеона, расширившего Францию завоевательными походами, а затем республиканских генералов, защищавших ее от интервенции в годы революции).

Армия в России всегда была сильна опорой на государство, а не на народ. Если эта армия выступает против политического руководства государства, как в случае с военным

переворотом, она оказывается без почвы под ногами. Трудно ожидать от таких заговорщиков решительности, если от народа поддержки они не ждут и даже сомневаются в поддержке низших чинов армии – того же народа в шинелях. Вероятность победы такого переворота практически равна нулю.

Иная ситуация в Латинской Америке. Государства Иbero-Америки возникли на основе государств конкистадоров – этих номадов-завоевателей Нового времени. Их завоевательные походы окружены в Латинской Америке ореолом романтики, о них до сих пор сочиняют стихи и песни, их восхваляют школьные учебники. Да и вторая, индейская составляющая латиноамериканских культур вряд ли может быть отнесена к культурам оседлым и не воинственным.

Можно сказать, что у латиноамериканцев в крови "дух войны". Да и армия там исторически занимает совсем иное, чем в России, почетное положение. Современный исследователь В. Шевелев отмечает, что, например, "в Чили всегда на особом положении находилась армия с ее духом элитарности и непогрешимости". (В. Шевелев "Диктаторы и боги", Ростов-на-Дону, 1999, с. 18). Более того, в Чили, как и во многих других странах Латинской Америки, "армия нередко рассматривалась и рассматривается как единственная сила, способная обеспечить порядок и стабильность". Чилийское офицерство спаяно чувством корпоративной солидарности, оно воспринимает себя как "сливки общества" и навязывает всем остальным то же самое убеждение. Престижность воинской службы, прежде всего, в рядах офицеров, обеспечивается тем, что представители офицерского корпуса проходят часто подготовку в США. "Северный сосед", как известно, воспринимается в Латинской Америке неоднозначно: это странная смесь презрения, зависти и преклонения, причем, те же люди, которые клянут "гринго" на чем свет стоит, если им предоставляется возможность, с удовольствием уезжают на "богатый Север". Причем сами США уделяют большое внимание тому, чтобы офицеры из стран Иbero-Америки учились в военных училищах и академиях США и, соответственно, возвращались на Родину носителями североамериканских ценностей. Кстати, и сам Пиночет учился в США (окончил командные и штабные курсы в Форт-Бенинге), стажировался на американских военных базах в районе Панамского канала, был одно время представителем военной миссии Чили в США. То же можно сказать и о других членах хунты – генерале Ли, адмирале Мерино.

Важно и то обстоятельство, что офицерский состав армии Чили формировался из среды среднего класса, и этой средой армия воспринималась как своя, родная, которой можно доверять и на которую можно положиться. Обратной стороной является, правда, презрение армейских офицеров к беднякам – этим объясняется жестокость хунты по отношению к коммунистам – выходцам из рабочих и бедных крестьян, слоек, к которым буржуа Чили настроены традиционно враждебно. Но бедняки никогда не "делали погоды" ни в обществе, ни в армиях Иbero-Америки.

Итак, путчисты Латинской Америки были так решительны и уверены в своей победе – что немало, потому что составляет половину победы – потому что видели в себе не изменников, а спасителей Отечества. Они не сомневались в том, что они, как вся армия – лучшие люди нации, знали, что их поддержит значительная часть общества и настолько презирали оставшуюся часть, что не стеснялись жесточайшим образом запугать ее.

5. Исходя из сказанного ясно, что в России вряд ли можно ожидать удачного военного переворота. Радикальная смена власти в России происходила и происходит только в форме революций, либо народных, идущих снизу, либо "самодержавных", идущих сверху. Доказывать этот тезис здесь мы

не можем, это выходит далеко за пределы нашей темы, мы укажем лишь на самые яркие исторические примеры таковых: народной революцией была революция Ленина в начале XX века, самодержавной – революция Петра Великого в начале XVIII века. К неудачным народным революциям следует отнести восстания Разина и Пугачева, к неудачным самодержавным революциям – реформы Александра Второго и П.А. Столыпина (они не достигли поставленных целей, не сумев разрешить кризис, который их породил). Причем эти революции при всех их структурных различиях были одинаково кровавыми – в ходе революции Ленина погибло даже меньше людей, чем в ходе революции Петра. И в ходе этих революций, безразлично откуда исходящих – от царя или от народа – возникали все равно идеократические режимы авторитарного толка (сходство между "диктатурой пролетарской партии" Ленина и Петровской "диктатурой оевропеившихся дворян" отмечал еще М. Волошин).

Конечно, невозможность в России военного переворота вовсе не означает того, что армия не может участвовать в процессах смены политической власти. Напротив, пример Октябрьской революции показал, что армия способна сыграть при этом выдающуюся роль, особенно в плане слома сопротивления и нейтрализации прежней власти и ее главных институтов. Но армия не является при этом самодостаточной величиной, она направляется либо оппозиционной партией, либо идущим из недр народа движением вроде Советов.

Осталось лишь добавить, что все сказанное касается лишь славянских регионов Великой России в границах СССР. В неславянских, особенно, в азиатских республиках, где культура построена на основе кочевого мировоззрения, условия совершенно иные. Там как раз имеется и культ воинов, и восприятие армии как лучшей части общества, и высокий престиж офицерской службы. В этих регионах бывшего СССР и нынешнего СНГ вполне могут произойти военные перевороты (это предположение подтверждают и конкретные события: в 1991 году на территории России был единственный регион, где произошел удачный военный переворот – это Чечня, где к власти пришел генерал Д. Дудаев). Современная Россия имеет все возможности в таких случаях выступать для бывших республик СССР, прежде всего, среднеазиатских и закавказских, тем же, чем для Латинской Америки являются США. Если подготовка и стажировка офицеров из Грузии, Туркмении, Таджикистана, Казахстана будет проходить в академии Генштаба, в военных училищах и институтах и на военных базах Российской Федерации, то в Закавказье и в Среднюю Азию будут возвращаться офицеры высшего и среднего звена, дружественно настроенные к России и выступающие за интеграцию своих стран с Россией. Между прочим, США именно этого и боятся: недаром ведь они так рьяно занялись установлением контроля над грузинской армией путем переквалификации офицерского корпуса в военных учебных заведениях США или в Грузии под руководством американских инструкторов (и увольнение старого, "советского состава"), а также "подсадкой" грузинских вооруженных сил на американскую финансовую иглу. Американцы небезосновательно полагали, что была опасность военного переворота со стороны старого просоветского офицерского корпуса (легко было бы представить себе незавидную судьбу М. Саакашвили, если б в Грузии пришел к власти пророссийский Пиночет) и они не успокоились, пока эту опасность не ликвидировали.

Впрочем, такая политика России по отношению к странам СНГ, симметричная политике США по отношению к странам Латинской Америки, требует прежде всего смены геополитических и идеологических ориентиров среди руководства самой России, на что нынешняя власть вряд ли способна.

А. Макаркин

ВЛАДИМИР КВАЧКОВ И "ВОЕННАЯ ОПОЗИЦИЯ"

Интервью Александра Проханова с полковником Владимиром Квачковым стало сенсацией. Впервые офицер российской армии высокого ранга и при этом принадлежавший к элитному специальному подразделению, не просто осуждает "антинародный режим" (это было бы банальностью), но и открыто поддерживает террористические формы борьбы против его представителей: "Пока еще одиночки выходят на силовую борьбу с оккупантами. В этой национально-освободительной войне за русский народ и русскую землю не все доживут и увидят победу. Кому-то суждено погибнуть, кому-то быть раненым, кому-то попасть в плен. Это не важно. Важно найти в себе силы встать. Надо, пора подниматься! Терпеть и дальше насилие над собой, над женами и детьми, над своим народом — значит стать соучастником и пособником оккупационной власти". Показательно, что свое пребывание в заключении Квачков расценивает именно как нахождение в плену.

Квачков прямо не признает, что организовал покушение на Анатолия Чубайса, в чем его обвиняют следственные органы. Но все его интервью однозначно подтверждает правоту версии следователей. Квачков выступает как сторонник национального восстания, которое должно начаться с подобных акций. Еще раз процитируем интервью: "Неудача диверсионной акции партизан по уничтожению самой одиозной фигуры российской демократии говорит о том, что Господь не допустил быстрой и безболезненной смерти Чубайса и уготовил ему и всей этой шайке другое, более тяжкое наказание. Что ж, подождем. Национально-освободительная война русского народа еще только начинается. Освобождение Кубы тоже начиналось с неудачной попытки штурма казарм Монкада горсткой храбрецов во главе с Фиделем Кастро".

Возникает закономерный вопрос о том, свойственны ли такие настроения только Квачкову или же они имеют куда большее распространение. А если выбрать второй вариант ответа, то идет ли речь об "одиночках-ворчунах" или о формирующейся инфраструктуре радикальной "военной оппозиции". А если такая инфраструктура уже создается, то насколько серьезный характер она носит.

"Военная оппозиция"

В самом начале своего интервью Проханову Квачков упоминает о своем участии в деятельности Военно-Державного Союза (ВДС), возглавляемого генералом Леонидом Ивашовым. В течение длительного времени он курировал вопросы международного сотрудничества в министерстве обороны, получив в этот период известность своими резкими антизападными высказываниями. Фактически Ивашов выступал в качестве своего рода "злого следователя", который уравнивал в ходе переговоров "добрых следователей" из МИДа. Однако в условиях ослабления правящего режима в конце 90-х годов Ивашов вышел за пределы этой роли. Не совсем обычной для государственного служащего была позиция генерала в период югославского конфликта 1999 года, когда он прямо оппонировал официальному представителю российского президента Виктору Черномырдину и фактически солидаризировался с режимом Слободана Милошевича. После прихода на пост министра обороны Сергея Иванова генерал Ивашов был вынужден оставить свой пост — это было связано как с его взглядами, неприемлемыми в условиях восстановления отношений между Россией и НАТО после их "замораживания" в результате югославского кризиса, так и со "своеволием", недопустимым в любой уважающей себя иерархической системе.

После ухода в отставку Ивашов не проявлял себя в качестве представителя "непримиримой оппозиции". Напротив, в 2003 году он баллотировался в Думу в первой тройке

избирательного блока "Великая Россия — Евразийский союз" вместе с Павлом Бородиным и Русланом Аушевым. Однако постепенно взгляды генерала смещались в стороны большей жесткости в отношении действующей власти и прямой критики ряда ее представителей, в том числе министра обороны Сергея Иванова. "Мы жестко критикуем линию С.Иванова в аналитических записках которые направляем в Минобороны и Администрацию Президента", — утверждают лидеры ВДС (эта фраза свидетельствует о степени как оппозиционности, так и лояльности их организации). Иванов обвиняется в реформах, которые ведут к разрушению армии, в том, что "стержнем военной политики и военного строительства избирается партнерство с США", а также в привнесении "духа коммерции в армию".

Кроме того, если раньше Ивашов дистанцировался от антисемитских акций (этим он отличался от Макашова), то в нынешнем году он подписал "Письмо 5000", несколько видоизмененную версию антисемитского "Письма 500".

ВДС был создан Ивашовым и его соратниками еще в феврале 2003 года в качестве реакции на политику российской власти со стороны оппозиционно настроенных отставных военнослужащих. Их первоначальные надежды, связанные с отставкой ненавидимого ими Бориса Ельцина и приходом на пост президента подчеркнутого государственника Владимира Путина, быстро сменились разочарованием. Путин вызвал их недовольство, добившись уже спустя непродолжительное время после своего избрания ратификации парламентом договора СНВ-2, против которой выступала значительная часть военной корпорации. Кроме того, он отказался предпринимать какие-либо резкие шаги после выхода США из договора по ПРО и состоявшегося расширения НАТО на восток, зато именно при нем были закрыты российские военные объекты в Лурдесе (Куба) и Камрани (Вьетнам). Недовольство наиболее реакционно настроенной части военной корпорации вызывали и начало военной реформы, пусть частичной и непоследовательной (например, сам факт введения альтернативной службы, пусть и в крайне жестком варианте, привел к протестам уже со стороны либералов), и достаточно сдержанная реакция России на войну в Ираке.

Радикализация позиции ВДС по отношению к власти в последнее время могла быть связана с несколькими причинами. Во-первых, "военная оппозиция" попыталась использовать фактор недовольства социально-экономической политикой власти в связи с монетизацией льгот — в этом отношении она не отличалась от других оппозиционных сил, независимо от их идеологической окраски. Во-вторых, речь могла идти и о позициях актива ВДС — как правило, рядовые члены подобных организаций настроены более радикально, чем их руководители, которые могут рассчитывать на компромисс с правящим режимом. Примечательно, однако, что представители ВДС, усилив критику власти и перейдя к новым формам протеста, воздерживались от личной критики в адрес президента. Это позволяет предположить, что надежды на изменение политики нынешней власти у них не исчерпались и до сих пор.

Представители ВДС были среди основных организаторов проведенного 19 февраля 2005 года (как раз в разгар "монетизационного" протеста) так называемого "Общероссийского офицерского собрания". В связи с этим вновь вспомним интервью Квачкова, в котором полковник выступает в качестве активного сторонника этого способа самоорганизации офицерского корпуса, сетуя на то, что сейчас собрания официально сохранились только на полковом уровне. Отметим также, что легитимное Всеармейское офицерское собрание состоялось в начале 1992 года на переломном моменте истории страны. Тогда многие военные были шокиро-

ваны распадом Союза, перед ними встал вопрос о лояльности вновь созданным государствам, в том числе и в связи с принятой ими присягой на верность СССР. На собрания эти эмоции отразились лишь в сравнительно небольшой степени – офицерский протест тогда удалось купировать. Однако сам опыт "общееармейского митинга" привел к тому, что министр обороны России Павел Грачев резко ограничил подобные опыты демократии, не свойственные вооруженным силам (напомним, что в императорской России офицерские собрания действовали также только на полковом уровне).

Подобное развитие событий тогда можно было предсказать. В конце 80-х годов демократизация армии была одним из лозунгов сторонников политических реформ и являлась одним из компонентов проектов военной реформы. Однако очень быстро эти идеи перехватили их оппоненты, использовавшие непопулярность демократов среди офицерства после развала СССР. Противники Бориса Ельцина стремились использовать такие настроения для того, чтобы не просто усилить свои позиции в армии, но и попытаться создать противовес конформистски настроенному в своем большинстве генеральскому корпусу. Обращает на себя внимание тот факт, что среди генералов, избранных народными депутатами СССР, с резко оппозиционными выступлениями по отношению к М.Горбачеву и Б.Ельцину выступал разве что одиозный Альберт Макашов. В то же время значительную известность получили активные деятели реакционной группы "Союз" Алкснис и Петрушенко, прозванные демократическими СМИ "черными полковниками" (а вне парламента к ним примыкал "черный подполковник" Терехов). К офицерским массам, кстати, сейчас апеллирует и Квачков, противопоставляя их высшему командному составу: "Нынешний генералитет, за редким исключением и в лучшем случае — приспособленцы. Действительно, русская армия сейчас — это солдаты, младшие и старшие офицеры. Нищие, униженные нынешней властью, они продолжают выполнять свой воинский долг. На них только и надежда".

Оформление "военной оппозиции"

Невозможность проведения легитимного Общероссийского офицерского собрания заставила противников действующей власти попытаться инициировать собственное мероприятие под этим брендом. Понятно, что о представительности в этом случае можно было говорить с большой долей условности. Среди делегатов собрания оказалось много отставников, его организаторы также находятся в отставке или в запасе. Кроме того, их не пустили в арендованный зал в Академии управления, так что собрание, фактически превратившееся в антиправительственный митинг, пришлось начать на улице, а продолжить в другом помещении.

Собрание постановило "образовать Высший Офицерский Совет и возложить на него общее руководство Народным Ополчением", а также "объявить мобилизацию с целью формирования подразделений Народного Ополчения по всей территории России". При этом функции Народного Ополчения формулировались следующим образом: **"Противостоять информационно-психологической, финансово-экономической и диверсионно-террористической агрессии против России и обеспечить ее безопасность, территориальную целостность и независимость"**. Правда, об организационных формах этого ополчения в документах собрания подробно сказано не было. Очевидно, что речь идет скорее о пиларовском проекте, чем о конкретном начинании.

Отметим, впрочем, что сама идея создания ополчения оказалась востребована другими политическими силами, которые идеологически совместимы с ВДС. Так, на расширенном заседании Центрального совета ДПНИ (Движение против нелегальной иммиграции) в апреле 2005 г. было принято решение принять частичное участие в мобилизационных планах Общероссийского офицерского собрания "в связи с воз-

можным обострением внутривнутриполитической обстановки в РФ, вероятности массовых беспорядков, агрессивных действий иностранных государств". Всем подразделениям ДПНИ в Москве и регионах, насчитывающим более 50 человек, было "предложено приступить в ближайшее время к организационным мероприятиям, основываясь на данных о воинских званиях, навыках боевых действий, владении оружием, военно-спортивной подготовкой, автотранспортом". Вне зависимости от структурного положения соратников ДПНИ, создаются особые группы - по 5 человек - разбитые по принципу компактного территориального проживания, наличия автомобиля. Группы должны знать адреса друг друга, отработать систему связи и сбора. Кроме того, необходимо распространить и принять к исполнению инструкцию о порядке приобретения и хранения легального оружия. Таким образом, "военная оппозиция" обладает определенным коалиционным потенциалом.

Зато Высший Офицерский Совет (на который "возложена обязанность организации взаимодействия военно-общественных объединений и мобилизация офицерского корпуса страны с целью обеспечения безопасности, территориальной целостности и независимости России") стал вполне конкретным органом. В том же апреле 2005 года он был официально образован, хотя и в несколько ином составе, чем планировалось ранее. Так, тремя сопредседателями совета стали генерал-полковник Виталий Павлов (Минобороны), генерал-полковник Анатолий Шкирко (МВД), полковник Александр Мартынов (Верховный атаман Союза казаков России). Таким образом, в числе сопредседателей не оказалось ни Ивашова, ни еще одного известного военного лидера, бывшего министра обороны генерала Игоря Родионова. Впрочем, оба они вошли в состав совета в качестве рядовых членов.

Сопредседатели совета являются достаточно известными людьми. Генерал Павлов в 80-е годы воевал в Афганистане (получил звание Героя Советского Союза), в 90-е командовал авиацией Сухопутных войск. Был смещен со своего поста после гибели вертолета в Чечне над Ханкалой в 2002 году. Генерал Шкирко некоторое время командовал внутренними войсками. Казачий лидер Мартынов избирался депутатом Госдумы от НДР, но был известен как более активный критик власти, чем большинство членов этой фракции.

В составе совета вошел ряд отставных генералов и старших офицеров, в том числе:

- генерал-лейтенант Николай Грибин. Работал по линии ПГУ КГБ в Норвегии и Дании, был начальником третьего отдела ПГУ (страны Скандинавии и Великобритании), начальником Академии СВР;
- генерал-полковник Виктор Земцов. Был начальником Кавказского особого пограничного округа, а затем возглавлял Академию Федеральной пограничной службы;
- генерал армии Анатолий Корнуков. Бывший командующий ПВО, а затем (после объединения ВВС и ПВО) ВВС России;
- генерал-полковник Илья Панин. Бывший начальник Главного управления кадров и учебных заведений Минобороны (в тот же период, когда другим главным управлением руководил генерал Ивашов), протеже маршала Игоря Сергеева;
- генерал-лейтенант Владимир Петрищев. В прошлом – начальник управления военной контрразведки ФСБ;
- генерал-лейтенант Николай Петров. Председатель Северо-Западного отделения Военно-Державного Союза. Ранее – заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа;
- полковник Валерий Севринов. Руководитель Московской областной региональной организации РОСПО;
- подполковник Валерий Задерей. В прошлом - офицер СВР, ныне начальник штаба Военно-Державного Союза. Известен как редактор концептуально-аналитической газеты "Знание – Власть!", которая активно критикует демократические преобразования 90-х годов;
- подполковник Станислав Терехов. Еще в 90-е годы ос-

новал и возглавил Союз офицеров – радикально-оппозиционную организацию, активно участвовавшую в событиях 1993 года на стороне Верховного Совета. В последнее время был одним из сопредседателей Национально-Державной партии, основным лидером которой был известный "антисемит" Борис Миронов (кстати, его сын находится в федеральном розыске по "делу Квачкова").

Фактически речь идет о центре притяжения для недовольных офицеров, который сейчас не проявляет большой активности, но обладает определенным потенциалом. Некоторые из членов совета участвуют в оппозиционной деятельности еще с 90-х годов, но большинство в тот период находилось на действительной службе и не высказывали публично своих политических взглядов. Часть таких политических неопитов были вынуждены покинуть службу уже при министре Иванове: это Корнуков, Ивашов, Панин, Павлов. Неудивительно, что они резко негативно оценивают реформаторские начинания нынешнего главы министерства.

Возможные перспективы "военной оппозиции"

Очевидно, что риторика представителей "военной оппозиции", хотя и носит весьма резкий характер, но существенно отличается от выступлений Квачкова. Если пределом для отставных генералов является критика деятельности министра Иванова, то Квачков подчеркивает свою резкую оппозиционность по отношению к президенту. Если "военная оппозиция" борется с реформами с помощью аналитических записок, собраний активистов и жестких резолюций, то Квачков перешел к действиям совершенно другого рода и сжег за собой мосты. Если Народное Ополчение выглядит на сегодняшний день весьма эфемерным (хотя и привлекательным для многих национал-патриотов как из военной, так и из гражданской среды), то Квачков, насколько можно судить, создал вполне реальную боевую группу.

Обращает на себя внимание тот факт, что "военная оппозиция" претендует на лавры очередных спасителей российской власти от "цветной революции". Приведем выдержку из документа, подписанного лидерами ВДС Ивашовым и Задереем 17 июня 2005 года: "В настоящее время спешно осуществляются действия, которые должны непосредственно предшествовать уничтожению российской государственности. Возможные сроки перехода к активной стадии - 3-4 месяца. Действия власти, конечно, могут несколько отодвинуть эти сроки, но не слишком надолго". Далее авторы документа утверждают, что в рамках этого сценария возможна отставка президента с "заменой его на другую, более приемлемую для глобальных структур фигуру. Такой фигурой от "либерального" лагеря может стать М.Касьянов, который уже сделал заявку на высший пост. От "государственно-патриотического" лагеря будет выставлен кто-то из "силовиков" (скрытая пропагандистская кампания в пользу одного из них уже начата)". Можно предположить, что под "силовиком" авторы имеют в виду нелюбимого ими С.Иванова. Разумеется, в документе предаются анафеме все проводимые в настоящее время реформы, которые, как утверждается, и провоцируют "революционный" сценарий.

Подобная конспирология не заслуживала бы особого внимания, если бы речь не шла о концепции, устраивающей не только входящих в состав ВДС и Высшего Офицерского Совета "силовиков", но и значительную часть госаппарата, намеренную под "антиреволюционными" лозунгами инициировать отказ от реформаторской составляющей политического и экономического курса нынешней власти. Очевидно, что такая конспирологическая точка зрения объективно выгодна и части "силовиков" из президентского окружения, к которым,

судя по всему, и апеллируют за поддержкой представители "военной оппозиции". Судя по всему, большинство ее представителей и далее будут придерживаться такого курса. Они слишком дисциплинированные люди, "советские генералы", для которых переход к "прямодействию" и пребывание в рядах внесистемной непримиримой оппозиции является практически невозможным. Кроме того, вряд ли к следующим выборам "военная оппозиция" подойдет в лучшем виде, чем к прошлым. Поэтому перспективы ее структур с громкими названиями следует расценивать весьма скептически.

Похоже, однако, что наиболее радикальная часть отставных военных утратила всякую надежду на успешность апелляции к возможным единомышленникам в Кремле. Квачков как раз является представителем таких офицеров. И активная резкая критика власти и проводимых реформ со стороны "военной оппозиции" способствует росту их радикализма, демонстрируя, что они не одиноки (люди типа Квачкова придают мало значения нюансам и критику политики представителей действующей власти переносят на режим в целом и на президента, в частности). Показательно также, что ВДС активно выступил на стороне полковника вскоре после его ареста: уже 17 апреля в Москве прошел митинг, организованный комитетом в защиту полковника Квачкова, в который вошли офицерские объединения, Военно-Державный Союз, ряд других общественных организаций. Участники митинга посчитали необоснованными обвинения, выдвинутые против Квачкова, и потребовали его освобождения.

В еще одном митинге, в поддержку выдвижения кандидатуры Квачкова в Госдуму, который состоялся в сентябре, ВДС также принял участие – наряду с лишенной регистрации Национально-Державной партией и другими черносотенными организациями. На митинге выступили, в частности, генерал Ивашов и подполковник Терехов. Впрочем, с самим фактом баллотировки Квачкова в Госдуму не все просто. Его предполагаемое участие в выборах по Университетскому округу можно было рассматривать как "пиар-акцию" против Михаила Ходорковского, который в то время также заявлял о своем желании баллотироваться в депутаты (показательно, что Квачков сам отказался от этого начинания, а в интервью Проханову весьма позитивно отзывался о личности своего бывшего сокамерника). Выдвижение же кандидатуры Квачкова по Преображенскому округу не вписывается в эту схему и может рассматриваться как акция совершенно иного рода, которая, помимо прочего, будет использована для дискредитации власти. Первым предвыборным ходом как раз и может являться интервью Проханову. Кроме того, в этом округе Квачков выступает в качестве прямого конкурента "кандидата власти", в качестве которого в данном округе выступает также полковник – участник чеченской войны Сергей Шаврин (очевидно, что электораты двух офицеров частично пересекаются).

Впрочем, теперь неясно, насколько сейчас "военные оппозиционеры" (или, по крайней мере, большинство респектабельных отставных генералов) готовы поддержать своего коллегу. Одно дело – встать на защиту "невинно арестованного" заслуженного офицера. И совсем другое – оказаться в компании человека, открыто призывающего к свержению нынешней власти и позиционирующего себя в качестве "пленного партизана". В условиях, когда "военная оппозиция" выступает в качестве объективного партнера "силовиков" во власти, это выглядит недопустимым. И, напротив, полковник становится более приемлемой фигурой для любых непримиримых противников Путина вне их идеологической окраски, которые в данной ситуации могут рассуждать по принципу "враг моего врага – мой друг".